

ПОНЯТИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

В настоящее время в Республике Казахстан продолжается правовое реформирование. Реформирование правовой системы в Казахстане началось с середины 90-х годов прошлого столетия, и в настоящее время в Казахстане приняты новые Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы. Причиной продолжения правовой реформы стало развитие общественных процессов, которые потребовали установления уголовно-правовых запретов на посягательства на ценности общества, а также усовершенствования отдельных институтов права. На наш взгляд, периодический пересмотр уголовного законодательства будет продолжаться до тех пор, пока имеет место экономическое развитие государства. Стабильности законодательства можно будет добиться только тогда, когда все необходимые институты государства будут функционировать на качественно ином – высоком уровне, а это возможно только в совершенном обществе. При таких обстоятельствах законодателю, чтобы обеспечить общество более совершенным уголовным законодательством, следует правильно оценивать объекты уголовно-правовой охраны, грамотно формулировать содержание норм права и, соответственно, устанавливать справедливые санкции за посягательства на ценности общества. Для реализации этой задачи возникает необходимость разработки определенных средств и методов обеспечения эффективности закона, с помощью которых было бы возможно выявление его ущербных положений. В таком случае возникает необходимость разработки понятия эффективности правовых норм и критериев эффективности, т.е. средств измерения правильности и качественности как норм права, так и права в целом. В рамках данной проблематики для того, чтобы разработать критерии эффективности права, следует сначала рассмотреть понятие эффективности права. Во-первых, «эффективность» и «эффективность права» являются относительными понятиями, а, во-вторых, эти понятия можно рассматривать не только с точки зрения права, но и социологии права. Указанные понятия также можно рассматривать в совокупности данных точек зрения, являющихся «показателями эффективности права». Здесь следует отметить, что разработка понятия и критериев эффективности права признается полноценным исследованием социально-правовых вопросов права.

В литературе относительно данной проблемы встречаются понятия «эффективность закона» и «эффективность права», однако, эти термины не признаются самостоятельными понятиями. И это правильно, поскольку дефиниции «закон» и «право», хотя и имеют отличительные черты в общей теории права, в аспекте эффективности являются идентичными понятиями. Идентичность этих понятий определяется их общими задачами и содержанием, а также ожидаемым результатом. Однако в данной статье целесообразно использовать понятие «эффективность права», поскольку, хотя предпосылкой или причиной существования права является закон в виде нормативного акта, понятие права признается более объемным в силу своих функций и юридической характеристики, а именно юридического анализа статьи закона или норм права. К тому же в рамках понятия «права», наряду со средствами регулирования государством общественных процессов, учитываются и объекты исследования правовых наук. Например, объектом исследования науки уголовного права являются две такие категории, как «уголовное правонарушение» и «наказание». Так, в уголовном праве эти две категории являются отдельным предметом юридического анализа.

Когда речь идет об «эффективности права», то приходится одновременно говорить и о «неэффективности права», так как посредством сопоставления этих двух понятий можно определить их характеристику и основное содержание. Для выявления эффективности или неэффективности действующего права следует разработать критерии измерения этой эффективности. Иными словами, с помощью таких измерителей эффективности права можно определить, насколько действующее право успешно реализует поставленные задачи.

По мнению французского социолога права Ж. Карбонье, с точки зрения социологии больше внимания обращается на неэффективность правовых норм, чем их эффективность [1, с. 34]. Дело в том, что неэффективность применения законодательства, в первую очередь, объясняется социологией скрытых факторов или причинами социологического характера. Следует понимать, что проблема эффективности права также возникает в данной ситуации, поскольку она становится явной только при обнаружении неэффективности действующего права. Разумеется, в такой ситуации встает вопрос о повышении эффективного действия права. Если действующее право успешно реализует закрепленные в нем

задачи, то проблема эффективности права в законодательной деятельности государства признается отсутствующей. Другими словами, законодательное сознание – это потребность людей в поиске и устранении пробелов.

В нашем государстве правовые реформы 90-х годов XX в. не дали ожидаемых результатов. Причиной этого в некоторых случаях служит отсутствие в содержании права соответствующих норм, регулирующих общественные отношения. Другой причиной может быть несоответствие содержания норм права сложившимся в теории права взглядам ученых, а также противоречия между правовым регулированием и общественным сознанием. Такая неплодотворная законодательная деятельность, подвергаясь критике ученых-юристов, получает соответствующую оценку. В частности, профессор У.С. Джекебаев в своем труде пишет, что «сложный процесс адаптации к новым социально-политическим и экономическим условиям потребовал изменения всего действующего законодательства. Однако судебно-правовая реформа 1994 г. не принесла желаемых результатов, на что были свои объективные и субъективные причины» [2, с. 4].

Социология права рассматривает эту проблему в контексте применения правовых норм в социальной среде, т.е. возможности регулирования конкретных общественных отношений правом. Поэтому эффективность той или иной нормы права в социологии исследуется отдельно от реальной жизни общества и от основного содержания права. К этому следует относиться с пониманием, поскольку социология как наука рассматривает природную характеристику социально-значимого общественного явления и роли этого явления в обществе. По этой причине социологию права не интересует качество отдельных положений права, возникающих из ее задач, и ошибки отдельных норм права. По этому вопросу К. Кульчар отмечает, что «эффективность права означает эффективность не отдельных норм, а эффективность всей правовой системы» [3, с. 243]. По его мнению, если не высока эффективность всей правовой системы, то на низком уровне находится и эффективность применения отдельных норм. В этом есть доля истины, так как каждая отрасль права образует свои нормы на основе установленных правовых принципов, с помощью которых определяются не только нормы права, регулирующие ту или иную сферу общественной жизни, но и направления развития и уровень справедливости данной отрасли права. А если взять еще шире, то следует учи-

тивать, что правовая система и ее важнейшие направления базируются на положениях Конституции государства, основанных на принципах данного общества. Следовательно, неэффективность всей правовой системы или отдельной ее отрасли может быть связана с закрепленными принципами права. Если рассматривать именно с этой точки зрения, то наша правовая система основана на принципах законности, гуманизма, равенства всех перед законом, справедливости, индивидуализации и дифференциации ответственности и наказания, виновной ответственности, неотвратимости ответственности. Очевидно, что связывание причин неэффективности права с принципами права, определяющими направления регулирования общественных процессов, приведет сразу к неудачному результату. Здесь проблема не связана с принципами права. Анализируя решение этой проблемы, мы будем двигаться в правильном направлении, если учтем следующую закономерность: право, имеющее неэффективные положения, соответственно, не может эффективно применено. В таком случае целесообразно обратить внимание на выявление причины существования неэффективных правовых норм. Например, отдельные критики выделяют в уголовном праве такие недостатки, как недостаточно ясное содержание диспозиции норм, излишняя повторяемость норм права без особой необходимости. Также критике подвергаются размер и вид наказания в составе санкции, правила квалификации преступления. В нынешних нормативных постановлениях Верховного Суда Республики Казахстан по уголовным делам встречаются разъяснения, противоречащие постулатам, сложившимся в науке уголовного права. Например, большинство ученых, исследовавших вопросы соучастия в преступлении, утверждают, что члены организованной преступной группы являются соисполнителями преступления, и на этой основе при квалификации их деянии дополнительная ссылка на статью 17 не делается [4, с. 144-145], [5, с. 31-32], [6, с. 234]. (Примечание: статья 17 Уголовного кодекса 1959 года предусматривала понятие соучастия в преступлении. Уголовный кодекс Республики Казахстан 2014 года виды соучастников определяет в статье 28). По этому вопросу в теории уголовного права можно встретить противоположные взгляды отдельных ученых. Так, А.В. Ушаков, рассматривая данный вопрос, отмечает, что лица, входящие в состав организованной группы, являются не соисполнителями, а участниками такой группы [7, с. 51]. По его словам члены

организованной группы, являясь участниками такой группы, при систематическом выполнении ими роли организатора, подстрекателя или пособника признаются соучастниками, и при квалификации их деяний требуется ссылка на статью 17 УК. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 21 июля 2001 года «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за бандитизм и другие преступления, совершенные в соучастии» содержит положение, подтверждающее позицию А.В. Ушакова. Пункт 15 этого постановления гласит: «Исходя из требований части 5 статьи 31 УК, действия лица, создавшего организованную преступную группу, банду или преступное сообщество либо руководившего ими, подлежат квалификации соответственно части 1 или части 2 статьи 235, либо части 1 статьи 237 УК. Стоит упомянуть статью Особенной части Уголовного кодекса, предусматривающую ответственность за совершенные организованной преступной группой, бандой или преступным сообществом преступления, если они охватывались умыслом. При этом квалификация по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса осуществляется со ссылкой на статью 28 УК, за исключением случая, когда организатор (руководитель) одновременно являлся соисполнителем преступления» [8, с. 284]. В данной части постановления также не учтен порядок квалификации при конкуренции норм уголовного закона. Согласно правилам квалификации в ч. 3 статьи 12 УК РК (ныне ч. 3 ст. 13 УК РК) при конкуренции общей и специальной нормы преступление должно квалифицироваться по специальной норме. При отсутствии специальной нормы в уголовном законе совершенное преступление квалифицируется по общей норме. Такой порядок квалификации разделяется и российскими учеными, в частности В.Н. Кудрявцев отмечает: «Суть его заключается в том, что при конкуренции общей и специальной норм должна применяться специальная норма» [9, с. 220]. Общие нормы тоже являются рабочими нормами. Так, А.Н. Трайнин писал: «Специальный состав, так сказать, берет верх над родовым. Родовой состав, таким образом, как бы сохраняется в резерве для тех случаев, которые специальными составами не охватываются» [10, с. 21].

Причиной неэффективности уголовного права может являться игнорирование достижений науки уголовного права, неприменение успешных положений зарубежной уголовной законодательной деятельности и практики, а

также несоблюдение требований, установленных в общей теории права, таких как ясность, обоснованность, реальность, неповторимость, устойчивость правовой нормы. На основе этого можно сделать вывод, что показатели, обеспечивающих эффективность права, может быть несколько. Объем и количество этих показателей зависят от видов требований, установленных для нормативных актов. В последнее время в исследованиях по вопросам назначения и исполнения наказания бытует мнение о том, что наказания, предусмотренные в уголовном законе, не в состоянии реализовать карательные цели. Поэтому, изучение законодательной практики зарубежных стран по применению наказания и внедрение в национальную систему успешных зарубежных положений вполне может повысить эффективность применения наказания [11, с. 110-111].

Вообще, рассуждая о неэффективности уголовного права, нельзя однозначно сказать, что все нормы и институты данной отрасли находятся на низком уровне качества. Речь должна идти о повышении качества отдельных общих положений права и некоторых норм. Следует обратить особое внимание на правильное конструирование отдельных норм, в том числе норм Общей части уголовного права, которые, в основном, относятся к общим нормативным положениям. Поэтому неполное и неясное установление цели нормы способствует неэффективному применению норм Особенной части Уголовного кодекса. Например, ч. 3 ст. 32 содержит понятие превышения пределов необходимой обороны. В этом определении из-за наличия таких слов, как «явное несоответствие защиты характеру и степени общественной опасности посягательства», возникают трудности в разграничении убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны (ст. 102), и простого убийства (ч. 1 ст. 99). Сложность разграничения этих составов преступлений, посягающих на жизнь человека, состоит в определении размера вреда от действий лица, нападающего при применении необходимой обороны. Получается, что формулировка «явное несоответствие защиты характеру и степени общественной опасности посягательства» предполагает, что если произошло нападение, то вред, причиненный нападающему лицу обороняющимся, не должен превышать размера ожидаемой угрозы. Это служит примером несоблюдения права обороняющегося на возможность причинения любого вреда нападающему.

В отличие от уголовного закона, действовавшего при социалистическом строе, Уголовный кодекс РК, расширив права и свободы человека, предоставляет право нанести любой вред нападающему для спасения личных законных интересов, если причиненный ущерб был вынужденным. Нанесение невынужденного вреда нападающему всегда квалифицируются как неправомерное применение необходимой обороны. Вышесказанное определение частично раскрывает смысл превышения пределов необходимой обороны, давая следующую формулировку: «в результате чего посягающему причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред». «Не вызываемый обстановкой вред» означает, что в этой ситуации отсутствовало нападение со стороны других лиц. Здесь было бы целесообразно использовать словосочетание «вынужденный вред».

Многие судебно-следственные работники определяют условия правомерности или неправомерности причиненного вреда при необходимой обороне, опираясь на практику применения закона.

Говоря о неэффективности права, следует отметить, что это понятие чаще упоминают в случаях, когда в реальной жизни уровень эффективности права не достигает преследуемой цели и не решает установленных задач. Однако неэффективность права не всегда может быть связана с поставленной целью. В этом отношении уголовное право в качестве своей цели признает уголовно-правовую охрану ценностей общества, установление размера и вида наказания с учетом степени и характера общественной опасности деяния, ясность содержания статьи закона, рациональное применение статьи уголовного закона при квалификации преступления. При решении этих задач могут не соблюдаться выработанные в уголовном праве установления или не учитываться достижения науки уголовного права. Поэтому *под неэффективностью права следует подразумевать установление целей и задач, недостаточно отвечающих данной отрасли права, или при качественном определении целей и задач, невозможность удовлетворения потребностей общества и правоприменительной практики по причине некачественности норм, реализующих эти цели и задачи.*

Под целью права следует понимать экономические, социальные, политические, культурные и другие неправомерные потребности общества. Таким образом, эффективность права измеряется в соответствии с поставленными целями, а также

возможностью реализации ее задач. Эти цели на самом деле являются основанием существования норм права или права в целом. В системе права, кроме общей цели, существуют отдельные цели, которые обосновывают существование некоторых норм. Свидетельством тому служат цели норм Общей и Особенной части уголовного права. Целями норм Особенной части уголовного права должны признаваться выявление общественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране, ясное и полное содержание диспозиции, а также соответствующий вид и размер наказания за совершенное преступление. Цели норм Общей части уголовного права могут быть определены в зависимости от вида правовых институтов. Например, целью норм, образующих институт соучастия в уголовном правонарушении, является выявление значимых признаков, которые могут иметь место при совместной преступной деятельности двух или более лиц, и обстоятельств, влияющих на установление ответственности. Для осуществления этих целей в институте соучастия рассматривается не только понятие соучастия в преступлении. Также затрагиваются и виды соучастников, формы соучастия, специальные вопросы ответственности соучастников (правила квалификации действий соучастников по формам соучастий, эксцесс соучастника, роль специальных субъектов преступления при соучастии, неоконченная преступная деятельность соучастников и т. д.).

Нельзя однозначно утверждать, что в содержании уголовного закона отсутствуют идеологические или политические цели, поскольку право всегда находится под влиянием общества и является продуктом существующего государственного строя. Именно по этой причине право в социальном смысле признается отражением существующего общественного строя. Например, очевидно, что в государстве, где экономика страны ориентирована на рыночные отношения и различные формы собственности, посягательство на частную собственность и законную предпринимательскую деятельность всегда признается уголовным правонарушением.

Цели права могут быть общеправовыми и специальными. Общие цели правовой системы государства определяются единством основания принятия закона. Это означает регулирование общественных отношений нормами права и установление ответственности за их нарушение. Специальные цели правовой системы определяются спецификой той или иной отрасли права. Ученые, исследовавшие эту проблематику, например, утверждают, что целью норм по привлече-

нию лица к дисциплинарной ответственности является укрепление трудового порядка [12, с. 156]. Поэтому цели уголовного права относительно его эффективности правильнее было бы определить в соответствии с причинами существования и основными задачами норм и институтов уголовного права, а также установленными требованиями по использованию статьи уголовного закона в правоприменительной деятельности.

Выдвигаемая идея подтверждается исследованиями других ученых. В частности, по мнению В.В. Лапаевой, задачи правового регулирования определяются не достижением целей, поставленных вышестоящей инстанцией, а отражением в содержании права социальных интересов, способствующих независимому, нормальному развитию общественных отношений; соответственно, должны быть пересмотрены положения теории эффективности закона [13, с. 212]. Если понятие эффективности представить в виде критерия соответствия полученного результата поставленной цели, то уголовно-правовыми целями должны быть понятия, осуществляющие регулятивную функцию данной отрасли права. Эффективное осуществление регулятивной функции уголовного права состоит из установления круга общественно-опасных деяний, признаваемых уголовным правонарушением, справедливого размера и вида санкции за их совершение, ясного содержания норм права, а также удобного применения уголовно-правовых норм в правоприменительной практике судебных следственных органов.

На основе вышеприведенного анализа *под эффективностью уголовного права следует понимать основание существования данной отрасли права, соблюдение требований, предъявляемых к ее содержанию, и соответствие потребностям правоприменительной деятельности государства.*

Основаниями существования уголовного права являются определение преступных деяний и установление размера ответственности в уголовном законе, осуществление им предупредительной функции путем законодательного провозглашения общественно-опасных деяний преступными.

К требованиям, предъявляемым к уголовному праву, относятся достаточная приемлемость норм для практической деятельности соответствующих органов, ясность и полнота содержания правовых норм, соответствие норм права требованиям теории и практики и отсутствие противоречий между нормами права и другими законодательными актами.

Литература

- 1 Карбонье Ж. Юридическая социология. – М.: Прогресс, 1986. –С. 34.
- 2 Джекебаев У.С. Основные принципы уголовного права Республики Казахстан (Сравнительный комментарий к книге Дж. Флетчера и А. В. Наумова «Основные концепции современного уголовного права»). – Алматы: Жеті Жарғы, 2001. –С. 4.
- 3 Кульчар К. Основы социологии права. – М.: Прогресс, 1981. –С. 343.
- 4 Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. – М.: Юридическая литература, 1974. –С. 144-145.
- 5 Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений. – М.: Юридическая литература, 1980. –С. 31-32.
- 6 Советское уголовное право. Часть Общая /под.ред.: П.И. Гришаева, Б.В. Здравомыслова. – М.: Юридическая литература, 1982. –С. 234.
- 7 Ушаков А.В. Ответственность за групповые преступления: общие вопросы. – Калинин: Калининский университет, 1975. –С. 21.
- 8 Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Казахской ССР, Пленума Верховного Суда Республики Казахстан, нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан. –Алматы: Норма-К, 2005. –С. 284.
- 9 Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юрист, 2001. –С. 220.
- 10 Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. – М.: Госюриздат, 1957. –С. 21.
- 11 Гета М.Р. Гуманизация уголовной политики Республики Казахстан. – Алматы, 2004. –С. 110-111.
- 12 Кудрявцев В.Н., никитинский В.И., Самошенко И.С., Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. – М.: Юридическая литература, 1980. –С. 156.
- 13 Лапаева В.В. Социология права. Краткий учебный курс. – М.: Норма, 2000. –С. 212.

References

- 1 Karbon'e Zh. Yuridicheskaya sotsiologiya. –M.: Progress, 1986. –S.34.
- 2 Dzekebaev U.S. Osnovnye printsipy ugovnogo prava Respubliki Kazakhstan (Sravnitel'nyi kommentariy k knige Dzh. Fletcherera I A.V. Naumova «Osnovnye kontseptsii sovremennogo ugovnogo prava»). –Almaty: Zheti Zhargy, 2001. –S. 4.
- 3 Kul'char K. Osnovy sociologii i prava. –M.: Progress, 1981. –S. 343.
- 4 Tel'nov P.F. Otvetstvennost' za souchastie v prestuplenii. –M.: Yuridicheskaya literatura, 1974. –S. 144-145.
- 5 Galiakbarov R.R. Kvalifikatsiya gruppovyh prestupleniy. –M.: Yuridicheskaya literatura, 1980. –S. 31-32.
- 6 Sovetskoe ugovnoe pravo. Chast' Obshaya /pod.red.: P.I.Grishaeva, B.V.Zdravomyslova. –M.: Yuridicheskaya literatura, 1982. –S. 234.
- 7 Ushakov A.V. Otvetstvennost' za gruppovye prestupleniya: obshye voprosu –Kalinin: Kalininskiy universitet, 1975. –S. 51.
- 8 Sbornik postanovleniy Plenuma Verhovnogo Suda Kazakhskoi SSR, Plenuma Verhovnogo Suda Respubliki Kazakhstan, normativnyh postanovleniy Verhovnogo Suda Respubliki Kazakhstan. –Almaty: norma-K, 2005. –S. 234.
- 9 Kudryavtsev V.N. Obshaya teoriya kvalifikatsii prestupleniy. –M.:Yurist, 2001. –S. 220.
- 10 Trainin A.N. Obshee uchenie o sostave prestupleniya. –M.: Gosyurizdat, 1957. –S. 21.
- 11 Geta M.R. Gmanizatsiya ugovnoi politiki Respubliki Kazakhstan. –Almaty, 2004. –S. 110-111.
- 12 Kudryavtsev V.N., Nikitinskiy V.I., Samoshenko I.S., Glazyrin V.V. Effektivnost' pravovyh norm. –M.: Yuridicheskaya literatura, 1980. –S. 156.
- 13 Lapaeva V.V. Sotsiologiya prava. Kratkiy uchebnyi kurs. –M.: Norma, 2000. –S. 212.